

1.
2.
3.
4.
5. *Васильев Б. А.*
А зори здесь тихие...

6. *Кустанай — Кустанайский*
общественно-драматический театр
им. М. Горького

7. режиссёр: *Карась Ю.*
художники: *Семеновский А.*
Мурзагулов С.

Мы — дети страшных лет

России

Забывать не в сплах ничего...

Эти стихи читает боец Гурвич в тот час, когда «в вечеру воздух сырой». Шел испепеляющий 1942 год... А здесь, рядом с Синохиной грядой, были зори настолько тихие, что читать стихи в голос было никак невозможно. Услышит враг, по-верному пробравшийся в наши тылы.

Выпала старшине Васкову нелегкая доля — остановить шестнадцать вооруженных до зубов фашистов, имея в своем подчинении пять бойцов женского пола. Как заставить этих девушек, натура которых никак не согласуется с бесчеловечными ритмами войны, стать карающей силой? Ведь самой природой в них заложена ненависть к убийству. Они и здесь, в страшном для них лесу, во власти необоримых законов жизни: любви, поэзии, мечты, нежности.

В конце концов Васков остановит врага, но потеряет своих, не будем говорить, бесстрашных, но точно — прекрасных бойцов. Рита Осаянина, Лиза Бричкина, Соня Гурвич, Гали Четвертак, Женя Комелькова — все останутся навсегда в разбуженном от безмолвия лесу.

Читатель знает эту историю из популярной повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...»

А зритель? Он, несомненно, ожидал, что сценическое воплощение известного произведения приблизит его к тем неповторимым обстоятельствам и даст наглядный урок противоборства жизни и смерти. Кустанайский театр им. М. Горького показал инсценировку повести в постановке режиссера Ю. Карася.

Итак, героическая повесть, хотя по ритмической напряженности это скорее баллада. А если рассматривать трактовку режиссера, то вопреки всем

жанровым канонам, хотелось бы определить ее как сценическую поэму: настолько определенно просматривается позиция автора, и обращенность пьесы, и лирическая окраска происходящего.

В более общем плане это рассказ о поединке жизни и смерти. Смерть дана почти символично. Причудливые колонны снаряды, которые воспринимаются как тающие в темной тишине деревья (художники А. Семчасный и С. Мурзагулов), приглушенный свет и безликие фашисты, сливающиеся с темнотой. Вот так, почти сказочно, почти полубогами, иногда намеками рисуется вторая сила, но зритель постоянно ощущает ее машинизированную жестокость и бесчеловечную педантичность.

Жизнь рисуется предельно реалистически, полно, с размахом, многокрасочно. В первой части она на первом плане. Тема войны приглушена и тревога прорывается в основном в пересказах; мизансцены подкрашены теплым юмором. Первая часть — почти комедия, но с развитием событий режиссер все дальше уходит от любования жизнью к осмыслению ее. Вторая часть — уже героическая трагедия, которая потому так сильно воздействует на зрителя, что контрастна началу.

Там, где слышно на пять верст кругом, где каждый шаг и вздох могут в любой момент оказаться последними, тихие зори, подобно рентгену, просвечи-

вают человека. Житейские мелочи теряются, остается в нем то, что воспитано Родиной.

Актрисы, занятые в спектакле, прежде всего стремятся подчеркнуть в своих героинях резко очерченную индивидуальность, прийти к главной мысли, мысли о гуманизме советского человека, о непобедимости жизни и о том, что жизнь должна уметь защищаться. Гибнут девушки отдельного зенитно-пулеметного взвода и это понятно. Война! Но почему так тревожится старшина Васков? «Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему нам умирать приходилось? Что ответить, когда спросят, что же это вы, мужчины, там наших от пуля защитить не могли?».

Этот монолог режиссер обращает в зал, к зрителю. И это публицистическое отступление оправдано сюжетным ходом и ритмом спектакля. Дорого заплатила Родина за свою свободу, умирали люди, несущие в себе свой мир.

Мир неулыбчивой, спокойной, рассудительной, но научившейся под ударами жестокой судьбы. Риты Осаяниной рисует Г. А. Куклинская; красавицы-гордачки Жени Комельковой — Н. А. Долматова; работяги, влюбленной в мужскую основательность Васкова, Лиды Бричкиной — Т. А. Боброва; вечной отличницей, которой после войны по полному праву положен памятник, Соня Гурвич — Л. А. Федорова; и замухрышки, под-

кидыша Гали Четвертак — Л. А. Бакаева. Женский ансамбль ведет спектакль ровно, слабые звенья перекрываются неплохо обрисованным, обобщенным образом русской женщины.

Заслуженному артисту Казахской ССР Н. В. Боброву пришлось играть сложную роль старшины Васкова. Человек, по образованию стоявший ниже любого из своих подчиненных, потерявший жену и сына, привык к жизни, упорядоченной уставом. Наставление по гранатомету для него куда понятнее нижних стихов. Казалось бы, он во всем противоположен подчиненным ему, брызжущим молодостью девушкам. Эпизод за эпизодом раскрывает Н. Бобров своего героя, обнаруживая прежде всего те черты, которые в Васкове от народа, от советской действительности. Раскрывая, он и поднимает его до вершинной мысли, пришедшей Васкову в момент полного одиночества: «У меня еще Россия осталась, и я у нее сегодня последний сынок и заступничек. Меня еще повалить надо». Васков бессмертен, как бессмертен сам народ.

За основательностью, уставной педантичностью, простотой Васкова мы постоянно видим удивительной красоты и прочности душу и, пожалуй, только тогда теряем это ощущение, когда Бобров слишком нагнетает страсти, начинает метаться по сцене.

Но в целом театр весьма бережно отнесся к первоисточнику, к повести Б. Васильева, — и это во многом определило степень удачи. Каковыми бы ни были детали, — Васкову Н. Боброва веришь с начала до конца.

Спектакль Кустанайского театра «А зори здесь тихие...» вызывает большие размышления, — а это ли не главное?

В. ЧЕРНОЗЕМЦЕВ.

ТЕАТР ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

21 ИЮН 1972

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Г. ЗЛАТОУСТ